

полностью или почти полностью сохранились две, от третьей же остался лишь небольшой фрагмент. Все три композиции расположены в одном ряду, образуя нижний пояс росписи. Две из них находятся на южной стене указанного отделения, над аркой, и составляют только часть фриза этой стены: другая часть его погибла. Третья композиция написана рядом с ними на западной стене, по левую сторону от входа. Возможно, что цикл иллюстраций к легенде состоял из большего числа изображений, продолжался по той же южной стене и переходил на противоположную, северную сторону указанной части здания.

Первая из сохранившихся композиций, находящаяся на южной стене, состоит из двух частей. Вверху, в середине, представлена богоматерь в сиянии; слева от нее стоит неизвестный святой, одетый в хитон и гиматий, быть может, апостол; справа — монах; оба обращены к богоматери. Внизу, в углу написаны тот же святой и тот же монах, взаимно обращенные один к другому. Изображение сопровождалось длинной, многострочной надписью, от которой осталось только несколько отдельных букв.

О содержании второй композиции, почти полностью утраченной, сказать ничего нельзя. Третья — находящаяся на западной стене — привлекает особое внимание. Она также распадается на две части. Вверху ее изображено ложе с лежащей женщиной. На женщине — белая рубашка с короткими рукавами; одеяло с шитой каймой не покрывает всего тела, но оставляет открытыми обнаженные ноги и подол рубашки. Позади ложа стоит богоматерь, склоненная к лежащей; левая рука богоматери поднесена к груди, тогда как положение правой неясно, быть может ее не было видно. Скорбная поза этой фигуры очень выразительна. Внизу представлено следующее: в середине сидит музыкант, играющий на смычковом инструменте, слева (считая от зрителя) — толпа, состоящая из мужчин и женщин, справа — пляшущая женщина. Итак изображены два эпизода какого-то рассказа: сцена праздника, веселия, пляски, относящаяся, надо полагать, к началу рассказа, и последующая сцена исцеления или явления богоматери некоей женщине. Надписей, поясняющих изображенное, не сохранилось, за исключением двух слов, отнесенных к одному из персонажей. Сюжет третьей композиции, так же как и первой, остается для меня невыясненным. Но об этих сюжетах мы будем говорить несколько позднее, теперь же обратимся к одной из фигур третьей фрески.

Художник, изображая бытовую сцену, сцену праздника, пляски, с особым интересом отнесся к музыканту. Он выделил последнего композиционно, сделал его фигуру центральной, посадил очень торжественно на седалище, напоминающее престол, т. е. представил этого музыканта сходно, например, с царем Давидом, который изображался играющим на гуслях, сидя на троне, подобном по форме седалищу мелётовской фрески. Повидимому, привычный образ библейского царя-псалмопевца послужил образцом автору композиции. Но музыкант